

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

стр. 10-12

«РАДИОНИЯ», «КУКЛЫ» И ДРУГИЕ ПРОГРАММЫ ЕФИМА СМОЛИНА

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

Бульварные новости

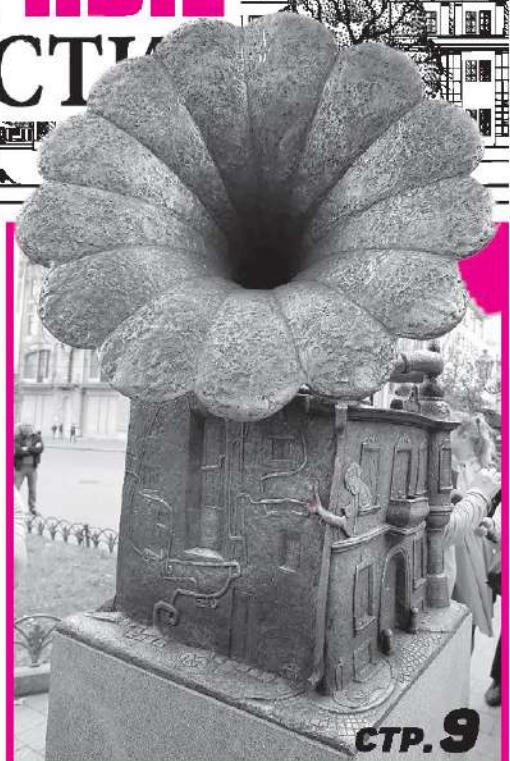
№19 (19)
ОКТЯБРЬ 2020

стр. 14-16

ЗДЕСЬ ВАМ НЕ РАДЫ:
5 самых негостеприимных стран мира
стр. 17

ИСТОРИЧЕСКОЕ
ИНТЕРМЕЦЦО.
В ДЫХАНИИ
ВИТРАЖЕЙ

стр. 9

ВОДЕССКОМ
ГОРСАДУ
ОТКРЫЛИ
ЗВУЧАЩИЙ
ПАМЯТНИК

«РАДИОНЯНЯ», «КУКЛЫ» И ДРУГИЕ ПРОГРАММЫ ЕФИМА СМОЛИНА

Беседовал Геннадий Норд

Он писал свои юмористические номера для таких корифеев эстрады, как Евгений Петросян, Ефим Шифрин, Владимир Винокур, Геннадий Хазанов — перечислять известные имена можно до бесконечности. Автор первых и, как в народе принято считать, самых смешных шести выпусков программы «Куклы», способный моментально сменить свое амплуа и сделать вполне серьезную программу «Колесо истории». Исполнитель своих собственных произведений. Лауреат премий «Золотой теленок» и «Золотой Остап». Член Союза писателей Северной Америки. Впрочем, можно еще долго перечислять то, чем занимался и занимается в своей жизни Ефим Смолин.

—Даже не сомневаюсь, что у тебя все началось с детства...

—Детство у всех было, у меня тоже. Это самое важное время: именно тогда рождаются всяческие комплексы, с которыми ты потом шагаешь по жизни. А у меня их миллион было. Я жил в маленьком доме, в частном, недавно мимо проезжал. Были такие деревянные дома в центре Москвы, даже сейчас есть. Был свой двор, и как-то ограничено все пространство было. Поэтому детство мое прошло под знаком одиночества, стеснения и жуткой тоски по деньгам, потому что в нашем микрорайоне жили люди из академии Жуковского. Что значит — «люди»? Не люди, а генералы. Даже дом наш назывался генеральским. Сейчас замечены ничего не говорят, но вот у меня были ботинки, которые стоили 9 рублей, а классные, о которых я мечтал — стоили 28 рублей, в три раза больше. Это первая часть комплексов, которые были.

—А вторая?

—Детство прошло под знаком любви к животным, в основном к собакам. У меня было три вещи, о которых я мечтал с детства: собака, пневматическая винтовка за 180 рублей и кожаная куртка. Винтовки уже не надо... Что касается собак, то завести ее так и не получилось, потому что коты были все времи. Кожаные куртки я периодически покупал, для съемок или еще для чего... Недавно я нарвался. Пришел в универмаг «Москва», смотрю — висит куртка, даже не посмотрел на цену и рванул к ней, потому что я создан для нее, а она — для меня. А это фирма какая-то вырендрейская, они скидок не делают. И вот висит куртка 52 размера, сумасшедших денег стоит — 22 тысячи рублей. Я, скрепя сердце, все-таки стал ее мерить. Она на животе не застегнулась. Через два часа после этого я сел на диету, и с тех пор продолжаю ее наблюдать.

—А еще комплексы есть?

—Все в моей жизни связано с комплексами, потому что я из очень простой семьи. Новото, что люди по блату идут в творческие вузы, это я поддерживала, потому что в творческих семьях есть какая-то атмосфера, которую невозможно вытащить из книжек. И поэтому дети режиссеров становятся режиссерами, даже дети актеров, у них больше «этого самого»... Но у меня была другая ситуация. Мама была домохозяйкой, а отец работал сапожником. Я вообще не мог поступить ни в какой институт, тогда все это понимали, кроме меня. Тогда был такой лимит

остальное, и даже рассказы. Врезульте стала сначала библиотекарем сотрудником отдела искусств «Литературной газеты». Это была полная ложа, я откладывал такие «пени»!

Там был потрясающий редактор, пожилой человек. Он мне говорит: «Ефим, надо написать заметку на тему пятидесятилетия «Оптимистической трагедии». Там актриса, звезда одна играла, сейчас и не вспомню, как ее зовут». Я говорю: «Борис Ефимович, а давайте я с ней интервью сделаю». Он мне: «Ефим, она лет десять как умерла».

А потом я звонил Паустовскому, который, как выяснилось, уже умер, причем, к тому времени со дня его смерти прошло двадцать лет.

—А с учебой как?

—Все приходилось изучать самому. Шестнадцатиклассник Эйзенштейна я штудировал по ночам, память была хорошая, а башка пустая. Я очень не люблю на лекциях сидеть, возможно, я тугодум, но мне удобнее по книжкам, всегда можно вернуться.

—Ты встречался с очень многими людьми. Что осталось в памяти, что тебе потрясло?

—У меня было два потрясения в жизни. Одно, когда я уже активно работал на эстраде. Мы тогда с Хазановым дружили. Тогда не было мобиль-

—**Ты встретился с очень многими людьми. Что осталось в памяти, что тебе потрясло?**

—У меня было два потрясения в жизни. Одно, когда я уже активно работал на эстраде. Мы тогда с Хазановым дружили. Тогда не было мобиль-

Ефим Смолин и Клара Новикова

на национальности. Короче говоря, меня принял только в лесотехнический институт — там была военная кафедра, можно было не надевать сапоги — и я стал там учиться на факультете электроники.

—С пятой графой? Но какие-то знания имелись?

—Знакомств никаких не было, тем более, в творческих кругах, я учился и работал. Работал в какой-то фирме, и однажды сел звонить, искать по телефону какие-то ящики для приборов. Ошибся номером, и попал на женщину из газеты «Советская культура». Она мне предложила сотрудничать, писать «письма читателя». Я написал «письмо читателя» про фильм «Армия «Трясогузки», был такой фильм про латышских стрелков. Короче говоря, я написал такую ядовитую заметку, они меня тут же на это дело поймали, и я стал как бы биоштатный корреспондент советского кино: везде, где надо было ядовитое что-то, я отрывал свою мастерство.

—И заселило? Стал писать?

—А человек ведь, как только его печатают, подсаживается на эту иглу. И я стал писать не только письма читателей, но и все

ных телефонов, и вообще со связью были всякие проблемы. Мы поехали одновременно на гастроли в одну область, но выступали по разным маршрутам. Договорились встретиться. Я с маршрута приезжаю в костюме, иду переодеваться и слышу смех, который в то время мог быть только на концертах Хазанова. И понимаю, что это он. Врываюсь в директорскую ложу, открываю дверь...

—И что же видишь?

—Открываю дверь, смотрю — на сцене стоит даже не артист, а такой директор и просто рассказывает анекдоты, а зал от хохота умирает.

Я просто впал в ступор. Думаю: сидеть, курить, мучиться, нервничать, сочинять эстрадные номера — это никому не нужно. Достаточно просто чесать эти анекдоты.

Жизнь кончилась в ту минуту, наступила творческий кризис. И я, здоровый лоб, мне тогда было лет 28, весь в слезах и в соплях там всю ночь просидел, потому что непонятно было, чем теперь заниматься.

—А второе потрясение?

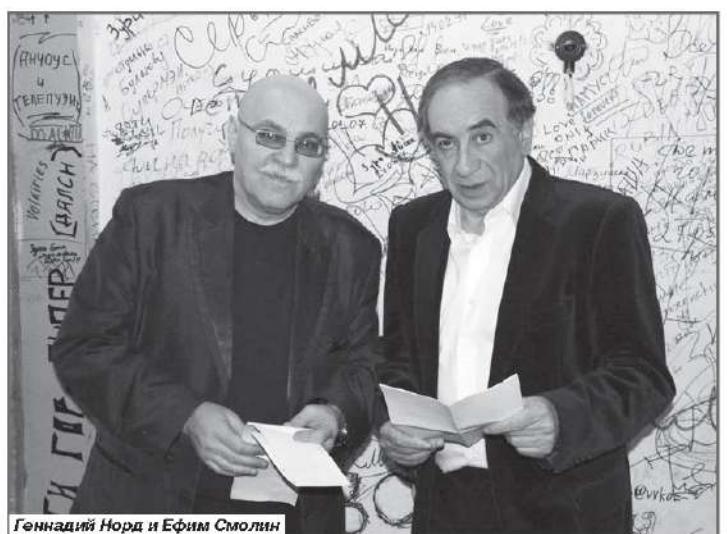
—Я обратил внимание, не будем говорить, на кого именно. В общем, один наш сценарист: пишет сценарий — и получает премию кругую, типа «Ники», пишет второй сценарий — вторая премия. Так просто ведь это не бывает! С ним работал один из моих знакомых, он сказал: «У него какая-то американская программа есть».

Я стал искать эту программу через знакомых тех, кто ездил в Америку, потом искал по Интернету. И нашел. Эта программа стоит у меня сейчас на компьютере. Когдаставил ее, у меня было странное ощущение, потому что этой программой ничего особенного придумывать не надо. Ты задрешь героя, скажем: он — алкаш, а она — полицейская, место действия выбираешь, и тебе выдается в среднем 600 вариантов, по которым может развиваться эта история. И, разумеется, эти два своих сценария он спилил с помощью этой самой программы. Я их скопяты вней нашел.

Выхолащивается процесс искусства, приходит простая механика. Да, диалоги надо писать самому, но тебе уже задан характер.

Это был для меня второй удар. Эти кризисы не были связаны с возрастом, просто у человека всегда есть какие-то свои идеалы, правильные или неправильные — не важно. И вдруг происходит такое разочарование. Другое дело, что с годами все сложнее это переживать.

—Ефим, как ты пришел на сцену, на эстраду?

Геннадий Норд и Ефим Смолин

— Все было абсолютно случайно. Когда я женился, то выяснилось, что подруга тещи замукала за автором Петросяна. Такой пожилой уже был человек, Гриша Мельников. Это было в 1970-е годы. До этого я писал юмористические рассказы, но они совсем не похожи на эстрадные монологи.

— И написал первый монолог?

Да. Монолог назывался «За честь прекрасной дамы», и с этим номером я пришел к Петросяну, и он мне говорит: «А ты проверял на публике?». Я говорю: «Жена, а где я проверю? У меня ни концертов, ничего, я сижу как бы и все». Он договорился, и мы вдвоем, я и Задорнов — он еще моложе меня был — поехали в санаторий «Еланка» проверять номера. Санаторий «Еланка» комсомольский и там уже две недели — одни девушки, две недели, не видящие никого, кроме друг друга, они вдруг увидели двух красавцов. Двух красавцев, выходящих на сцену — я такого успеха не видел спустя 60 лет, просто каждое слово на «ура».

А Петросян потом просил вставить красным «смехи» во все каждой этой истории, ну, я не знаю, что Мишка поставил, я всегда поставил «смехи».

Мы еле вообще отбились от этих комсомольских потоков. И мы приезжали, я приношу этот номер к Петросяну, и Петросян говорит: «И здесь смеялись?». Я говорю: «Да». Он, в общем, опытный уже тогда был: «Что и вот тут?». «Да».

Я вспоминаю ту жуть — выходит на сцену Петросян: «За честь прекрасной дамы!». И в гривовой тишине весь этот номер, весь этот номер, и вот тогда я понял, что такое уйти под стук шагов, причем он, как каждый человек, самоподобен был и, в общем, справедливо ждал какого-то успеха — я такой катастрофы не видел никогда, конечно, как это можно забыть?

— И все-таки, как писать смешно? И что было потом?

— А потом я был автором первой московской юморинки, сразу после Олимпиады, в 1980 году. И там должны были выступать тогдашние звезды. Жванецкий вышел за кулисы. А было это в спорткомплексе «Олимпийский». Людей полно, как картофелины в овощехранилище, а ты стоишь, посередине. Жванецкий испугался конкретно. Он дал мне свои тексты и побежал за портфелем, который у него где-то остался. Я посмотрел на эти тексты, написанные от руки, там не было ни одной поправки. То есть, как приходило, так он это и записывал.

Есть такая книжка «Алхимия слова», очень смешная. Смысл книги в том, что писатель, да и вообще деятель искусства, может быть полным «к» как человек, но это не имеет значения, то, что он пишет, как бы «сверху», извне приходит, кто-то ему это в голову вкладывает, и он работает просто как передатчик.

Мне кажется, что Жванецкий — хороший человек. А его манера мышления — инверсия, то есть когда все с ног на голову. Самая активная часть предложения — это глагол. И вот реприза заключается в том, чтобы глагол был обязательно в конце. Интересно, что точно так же строится фраза в европейском языке — идет сначала существительное, потом все остальное, а в конце глагол. Поэтому, наверное, очень много юмористов-евреев. Но это — способ мышления, все не обязательный для литературы, потому что у Шекли и Бредбери, например, формат совершенно другой, а юмор есть.

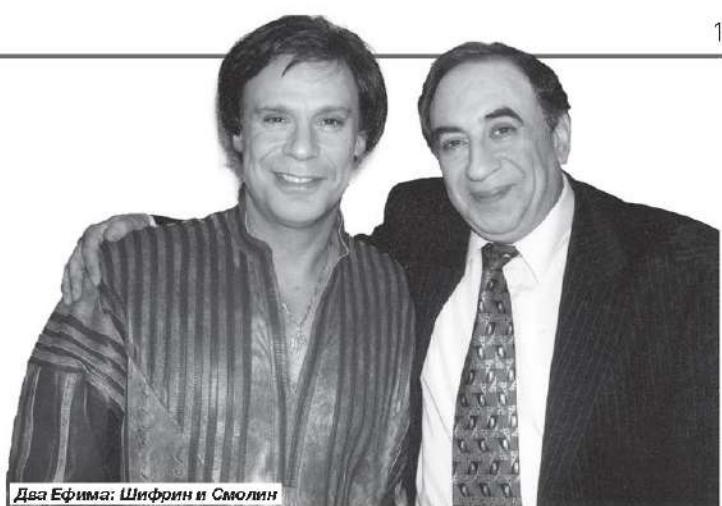
Что же касается эстрады, то там совершенно особая техника. И меня Гриша Мельников этому делу учил. Наверное, был и еще какой-то перст судьбы, потому что купили первый же мой монолог. Он назывался «Жертва гипноза» — его купил Винокур. Тогда, чтобы номер продать, надо было пройти 28 инстанций, а номер стоил 150 рублей — зарплата инженера.

Он с этим номером выступил по радио в «Доброму утру». Редактором там была молодая Регина Дубовицкая, она поставила этот номер в эфир, не назвав мою фамилию. Это был мой первый скандал с ней. У нас с ней сейчас нормальные отношения, но тогда был скандал. Это обычное отношение к авторам. Начинающий автор всегда неизвестен. Чем больше я писал монологов, скажем, для Хазанова, условно говоря, тем больше

я раскручивал их, и тем больше была дистанция между этой звездой и человеком, который пишет.

Понятие блаты в то время было прямо связано с известностью. Когда родилась дочь, я помню, пришлось звонить Хазанову, чтобы он помог мне достать коляску. Этоже был дефицит! Поехали за коляской. У Гены не было машины, я сидел за рулем. К тому времени я за рулем был уже лет 10 точно. Но у меня было такое ощущение, что я просто перестал нормально ездить. Хочу перестроиться в левый ряд — не могу, в правый — не могу. А рядом шли машины, все время на одной со мной скорости. водители заглядывали в окно и говорили: «Хазанов, Хазанов, Хазанов». И он сидит и говорит: «Ну что Хазанов, что Хазанов?» С такой, самовлюбленной немногим, свойственной только ему усталостью. Мы пришли в магазин, он выбрал самую лучшую коляску, не взял с меня денег, и потому считается как бы крестным.

Вступая на эстраду, вступаешь в чрезвычайно сложные отношения между автором и исполнителем. Гриша Мельников царствует ему небесное, меня очень многому научил. Гриша Мельников был

Два Ефима: Шифрин и Смолин

нителем и взаимоотношения с публикой. Потому что с первого дня и до дня сегодняшнего приходится все время опускаться до этой публики, потому что очень многое из того, что ты хочешь сказать, ты можешь, уже без этого, ты существуешь, только пока существует твоя публика.

— Сейчас с эстрады звучат в основном шутки на бытовые или просто пошлые, животные темы. Почему в последнее время перестали шутить на социальные темы? Это что, запрещено?

— Фрейд когда-то сказал, что человечество смеется над тремя вещами: секс, отправление прямой кишкой и правительство. Что касается правительства, то эта тема сама сыграла с нами, авторами, злую шутку.

При Брежневе у нас очень хорошо развилися юмористический жанр как искусство намеков. Мы такие Геркулесы: эзопов язык, басни, намеки. И народ со смехом умирал, просто умирал от нашего остроумия, потому что всегда нравится, когда человек идет по проволоке. Но поэтому что он хорошо балансирует, а потому что идет упадет. Это естественно. Поэтому когда мы, была такая бригада «Вокруг юмора», приезжали в город, город вымирал. В городе нет колбасы, а мы со сцены говорим, что нет колбасы, и человек умирает от смеха, и от того, что находится человек, который это производит, пусть не прямо, но хотя бы намекает.

Дальше произошла смешная вещь, свидетелем, если не участником ее был Олег Назаров. Он тогда в юмористическом жанре стал работать, у него

человеком без образования, с каким-то врожденным чувством смешного. Удивительно, ведь никто его не учил ничему! Я понял, что проблем у эстрадного автора две — это взаимоотношения с исполнителем

должен сказать так, чтобы это было понятно. Ты должен обслуживать публику, это сервис. Я очень многое вычеркиваю, если не могу найти прием, чтобы объяснить свою мысль.

Юмор на троих. Ефим Смолин, Геннадий Норд и Николай Лукинский

Продолжение на с. 12

Продолжение. Начало на с. 10-11

были очень талантливые монологи. И острые — все было можно тогда, в горбачевские времена. И он стал «мочить» Горбачева. И вот идет последняя на моей памяти запись программы «Вокруг смеха», и в этот день выходит указ президента о защите чести и достоинства — согласно указу за это дело могут дать срок. И все — писать нечего, ни Назарову, ни мне. Это была первая ласточка...

—А что сейчас?

—А сейчас я сижу, готовясь к записям на метровых каналах телевидения и вымарываю на всякий случай все, что касается нашей нынешней политики. Я знаю, что нельзя шутить про монетизацию, про Грефа. Не могу сказать, что умираю от этого, это не принципиальные вопросы. Тем более что на концертах я все равно все это читаю. Но здесь приходится все это вымарывать, поэтому социального юмора и нет на телевизионных каналах. Со сцены можно, из телевизора — нельзя.

А если отказаться от пошлости, какие темы останутся тогда? Естественно, останутся только бытовые и социальные темы. Почему социального юмора нет на телевидении? А почему это должно быть на телевидении, если это — государственный канал, и это может быть неприятно председателю правительства, еще кому-то там, кто командует? Если бы это было мое телевидение, и кто-то писал монологи, направленные против меня, мне было бы тоже неприятно.

И очень смешно, когда в своем послании президент говорил, что хотелось бы больше свободы на телевидении. Есть такой замечательный анекдот. Врывается муж, ищет любовника жены. Открывает один шкаф — здесь его нет, второй шкаф — здесь его нет, открывают третий — а там здоровый амбал стоит, втрое больше, чем он сам. И муж сразу закрывает шкаф: «Ага, здесь его тоже нет».

Так же вроде бы и не существует этой проблемы и у нас, на телевидении.

—Мы с тобой много выступаем вместе, я почти все твои монологи знаю наизусть, и все равно, когда тебя слушаю, умираю от смеха. А были ли у тебя случаи непонимания публики? Доставалось от правительства за шутки?

—А как же! У меня был такой рассказ, про сумасшедший дом. Там той мания величия была, в палате собрались бывшие номенклатурные работники. Один думал, что он Ленин, другой — что Дзержинский. Ленин описался, в общем, сделал «разлив», такая была история. Я ее читал с успехом где-то на пяти концертах. Приезжаю на шестой концерт, не подумал, кто сидит в зале, начинаю читать. Вдруг крики из зала: «Сволочь!». Естественно, после этого ты уже работать не можешь. И за mich погнались, чуть ли не с кольями. Я заперся где-то в гримерке. Выяснилось, что в зал втерялись пришли. Хазанова несколько раз гоняли со сцены с моими номерами, хотя ничего особенного там не было.

С Хазановым, кстати, в 1982 году была жуткая история. Литераторы работают себе и не подозревают, что мир может в одно мгновение перевернуться. У меня был, на мой взгляд, и на его взгляд, тогда совершенно невинный номер: «Письмо генералу КГБ». Про гулящего мужа, который не приходит домой и говорит жене, что он разведчик и выполнял задание. Мы его не залитовали, правда, потому что был какой-то концерт, и Хазанов сразу его прочел, в конце выступления.

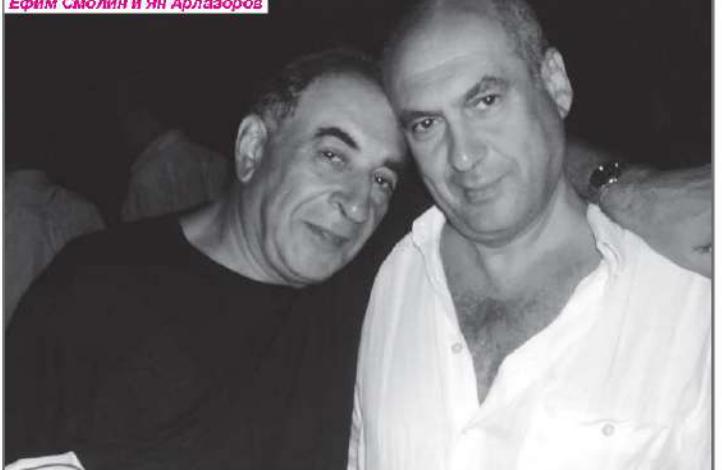
Реакция была на следующий день. Были сняты со своих постов все, кого можно было снять, как карточный домик псыкались люди. Мне был запрещен въезд в город-герой Ленинград, а Хазанова на голишили права концертной деятельности, установили за ним наблюдение. Я эту историю прекрасно помню, у него тогда денег не было, потому что все накопления он вложил в новую квартиру, мебель. Я помню, на Крымской набережной он залил в мою машину бензин, и на этом у нас деньги просто закончились. То есть из очень благополучных людей мы в момент превратились в бедников.

Потом, уже совсем недавно в каком-то журнале писали про эту историю. Я сам

журнал не видел, мне пересказывали. Оказывается, наше дело было на рассмотрении в ЦК, и они решали вопрос: посадить или не посадить. Решили не сажать, потому что уже время не то было.

Продолжение следует.

Ефим Смолин и Ян Арлазоров

Сергей Дроботенко и Ефим Смолин

